

МИХАИЛ СОЛОВЬЁВ

Родился в Санкт-Петербурге в 1986 году. С 2016 года живет в Москве. Работает в сфере рекламы — креативным директором в агентстве RED.

Стихи пишет с детского возраста. Ранее нигде не издавался и не публиковался. Поэзия была призванием «для души». За это время выработалась собственная стилистика письма, которая близка к свободному стиху. В поэзии вдохновляет образ чело­вена и его судьбы, нравится создавать живые «портреты» героев и рассказывать их жизненные истории, что считает своей отличительной чертой.

С 2023 года посещает семинары Дмитрия Воденинова в Школе писательского мастерства «Пишем на крыше», неоднократно получал от мастера положительные отзывы и комментарии.

ФАНТОМНЫЕ БОЛИ

– У тебя болит душа.
А я чувствую, что не может этого быть,
не может болеть то, чего нет.
Ведь душа – это своего рода вопрос веры.
Способ оправдать, принять, простить.
А я слишком плотно в это свое тело врос
и знаю его плотскую смесь.
Ну нечему там болеть!
(А внутри продолжает саднить.)
Но в таком случае, только вдумайтесь,
получается, что внутри меня болит пустота –
дырочка в груди.
Биохимическая сингулярность:
физическая невозможность
и одновременно математическая красота,
каким-то образом воплотившиеся в реальность.
И вы, может быть, скажете, что дырочка –
это тоже вопрос веры.
Но для меня она настолько же настоящая,
как ваш прошедший на днях листопад,
как ваш выпитый кофе,
бешено выкуренная сигарета –
как любая другая бестактность.
Она покалывает на вдохе,
тянет на выдохе,
чешется,
требует от меня чего-то большего:
может вдохнуть полной грудью,
а может простить себя грешного.
А я не могу,
чувствую, будто бы я зажат
между двух невидимых стен,
прозрачных, как стеклышко,
и за ними видно – весна – все цветет,
а внутри этой рамы – тлен.
И вот также меж ребер, как на парад,
сердце стучит, гонит живую кровь,
но, вот...
Она стынет,
как стынут чувства: тепло, нежность, любовь –
внутри сквозит, как из старенького окошка,
в его иссохшейся, бесхитростной роли.
И я думаю,
так, может быть, моя дырочка
это и есть отсутствующая в ней душа?
– У тебя фантомные боли.

СПАСЕНИЕ

Жизнь одна, смерть одна
и лишь оно одно:
спа-се-ни-е
может быть нам будет дано.

Вот прошел еще один год,
миновали три Спаса, и вновь зима:
Медовый Спас – по губам текло,
дикая пчела села под ребро
слушать сердца стук,
вдруг пронзили грудь
мимолетные мои боль-испуг
и ее уже не живая суть;
Яблочный был Спас – как недалеко
яблочко от яблоньки на бочок легло,
ветер шепчет листьями песню в колыбель,
павшие плоды источают гниль;
Хлебный Спас – похмельный Спас,
вместо хлеба квас
(доведен до крепости и бочонок – вот),
по усам не тек, попадал все в рот.

Три Спаса, все упущены,
ни одного нет спасения,
и без ковчега жизнь меня
уносит своим течением.

Как мне спасти себя?
Как одолеть поток?
Ответ: твое призвание –
гвозди и молоток.
Тебе нужна срочная
переквалификация в плотника.
Пора выполнить предназначение,
программа платная,
опыт не имеет значения:
посади дерево, сруби дерево,
построй дом – стены, крышу и пол
(в общем, какое-нибудь сносное помещение),
сколоти гроб и роди себе на замену
того, кто будет так же зол, голоден, гол
и полон отчаянья оттого, что нечаянно
в эту угасающую смыслом жизнь
и в это растущее тяжестью тело
вдруг однажды был помещен
сам себе в заключение,
сам себе во спасение.

Спа-се-ни-е
(чувствуете иголки?
слышите колокольчики?
понимаете ли значение?).

Видимо, спасение ждущего
дело рук самого живущего.
И все рассказы про то,
что каждой твари по паре,
возможно, значат одно:
ища – да найдешь,
спасая – спасешься,
следуй за страждущим,
держи на поверхности, толкай вперед,
тони сам, воду сплевывай и глотай,
и, может, с ним выплывешь,
может быть, доберешься.
Вдруг окажется, что берег-то – вот,
не где-то там за горами,
а святая земля – это то самое дно,
что уже сейчас под ногами.

Каждой твари по паре. Кто взойдет с тобой?
Бесстыжая ли Таисия, похмельный ли Стас,
кто будет следующий?
Кого бы ты спас?

ЛЕНИНГРАДСКИЙ РЕЦЕПТ

Цельнозерновая мука
(обойная),
овсяная мука,
подсолнечный жмых,
ящики со снарядами
и обоймами,
ощущение,
что нечего ждать,
нет дней иных,
соль, солод,
слезы, надежда,
не убежать,
не во что верить,
некого убеждать,
есть только сутки
и сто двадцать пять
крошечно-жутких
грамм,
отчаянная жажда жить,
голод до и после еды,
горячая вода и стакан,
но его не запить,
желудочный сок,
бульканье в животе,
мертвый сосед,
живая кошка,
соевая и кукурузная мука,
мороженный картофель,
гидроцеллюлоза
(химически обработанная
древесная крошка),
трескающийся лед,
ледяной пол, бетон, кафель,
замерзший водопровод,
судороги, обморок,
восьмичасовая смена,
пустая голова,
ночная очередь,
карточная система,
впалые глаза,
вздутый живот,
отказывающие ноги,
отказывающая закваска,
безотказные нервы,
санки, метель, холод,
дрожжи, спасенные на груди,
новые двести грамм

и все равно голод,
от которого не спастись,
мука из семян диких трав,
мука из коры березовых веток,
мясо-костная мука,
ежедневная мука
и страх –
накормить не себя,
а уходящую мать
и самое важное – деток
и ради них же
стоять, выстоять, устоять,
дождаться, на руки взять
ненаглядный комочек счастья,
не съесть – наглядеться бы,
вот она, его
влажная сторона,
ароматная сторона,
сторона с корочкой,
сторона наиболее опасная
при артобстреле,
воздушная тревога,
земная тревога,
на душе, на граните
следы от осколочных,
вокруг смерть-смерть-смерть,
но один никогда не черствый
черный-черный кусочек
на день подарит твердь,
пусть по сути своей
не былинный ломоть
и уже не тот настоящий,
а мертвый хлеб,
но он, как в старинных сказках,
под звериный вой снарядов летящих
из рук хищных и цепких
все же жизнь заберет,
а тот, кто окреп,
от судьбы уже не зависим
и, может быть, доживет.

Так составлен, записан
и рожден ленинградский рецепт.